

Итачи ничего не ответил, снова шагнув вперед, и Гарри потянул Сасукэ за собой, его сердце колотилось со скоростью миллион миль в час. Итачи, казалось, встал в какую-то стойку, обнажив меч. Гарри попятился назад. "Что ты делаешь?"

Глаза Итачи сузились, а затем он двинулся. Гарри задохнулся от скорости, с которой Итачи бросился вперед, и сделал единственное, что пришло ему в голову - отбросил Сасукэ с дороги, как раз когда рука Итачи врезалась ему в лоб, толкнув назад. Гарри вскрикнул, попятившись назад, рука Итачи все еще была у его головы, и вдруг перед глазами у него вспыхнули краски, и боль охватила его голову. Он задыхался, кунай выпал из его руки, и он сполз по стене.

"Гарри!" прокричал Сасукэ, перекрывая боль.

Гарри застонал, заставив себя открыть глаза, несмотря на поплывшее зрение, и заставил себя встать, тяжело опираясь о стену и держась рукой за голову, чувствуя, как мокрая липкость собственной крови пачкает его волосы. Но ему было все равно. Сасукэ попал в беду. Он должен был помочь ему, несмотря ни на что. Заставив себя открыть глаза, он увидел, как Итачи, стоя спиной к Гарри, надвигается на Сасукэ, у которого, казалось, прервался голос: он в ужасе смотрел на старшего брата, словно не в силах пошевелиться, что-то сковывало его голос. Гарри попытался двигаться быстрее, но удар по голове, видимо, слегка контузил его, и он заставил себя встать, чтобы попытаться добраться до Сасукэ. Тем временем глаза младшего мальчика отчего-то расширились еще больше, а затем внезапно потускнели, и он упал на бок, уставившись в пустоту, а его мышцы подергивались.

"Сасукэ, нет!" закричал Гарри, не обращая внимания на боль, когда он, спотыкаясь, двинулся вперед. Он заставил себя устоять на ногах и уставился на юношу. "Итачи, прекрати! Он твой брат, черт возьми!"

Однако все, что он хотел сказать, замерло на языке, как только Итачи снова обернулся, его глаза стали холодными, безэмоциональными, безжалостными. Это были не глаза кузена, которого, как думал Гарри, он знал. И он их боялся.

"Твоя очередь", - сказал Итачи. При этих словах у Гарри похолодела кровь. Непокоримый, непреклонный, как сталь, покрытая кровью Учихи, которую он держал в руке. Гарри не мог не посмотреть в глаза Итачи, глаза шарингана, черные и малиновые, встретившиеся с испуганными изумрудными, которые знали, что он не может бежать, знали, что смотрят в глаза убийцы, но не могли принять это за правду.

"Итачи-итоко...", - растерянность, неверие.

Итачи, однако, не услышал или предпочел не слышать: он шагнул вперед, глаза его смотрели на Гарри с почти гипнотической силой, и он не мог оторвать взгляд. Он заставил себя отступить назад, пока его спина не коснулась стены, и больше он не мог отступать. Итачи навис над ним. Холодно потянувшись, он обхватил Гарри за шею и медленно подтолкнул его к стене, когда Гарри, задыхаясь, вцепился в его руку, пытаясь отпустить его.

Его движения прекратились, когда глаза шарингана начали двигаться. Чёрный цвет начал сливаться в трёхлопастное колесо, заставив Гарри замереть на месте. Низкий голос, холодный, бесстрастный, безжалостный, казалось, доносился откуда-то из-за пределов его чёрно-красного видения, произнёс. "Мангекё Шаринган: Цукуёми".

0o0o0o0o0o0o0o0

Прошла неделя после того, что прозвали Резней Учихи, а Гарри и Сасукэ все еще находились в больнице и убеждались в отсутствии опасных для жизни побочных эффектов. Не то чтобы они пережили это без изменений. Гарри на какое-то время стал угрюмым, а его вспыльчивость, казалось, возросла еще больше, так что порой люди боялись с ним разговаривать. Гарри признался себе, что вел себя как болван после того, как Сандайме Хокаге пришла поговорить с ним. Гарри потер щеку, которая все еще болела от удара. По крайней мере, он вбил в него хоть какой-то смысл. Но, похоже, он справлялся лучше, чем Сасукэ. Другой мальчик почти не реагировал, и если бы кто-нибудь хотя бы упомянул имя Итачи, ему стало бы еще хуже, чем Гарри.

Гарри не так часто удавалось увидеться с Сасукэ, поскольку врачи стали его опекать (или одергивать, по мнению Гарри) и редко выпускали из поля зрения. Однако теперь Гарри собирался увидеться с кузеном, независимо от того, понравится это врачам или нет. Теперь, когда он не был так убит горем - хотя это все еще было больно - и перестал выглядеть так, будто собирается покончить с собой - хотя бог знает, откуда у них взялась эта идея, - он знал, что ему придется помочь и Сасукэ.

Он действительно выглядел ужасно. Волосы были в беспорядке, почти как у Гарри, и закрывали лицо. Пижама, которую, очевидно, откопали для него в больнице, была помята и измята. Он сидел на краю кровати и даже не поднял глаз, когда Гарри вошел в комнату. Гарри на мгновение замер, вспомнив, что сказала ему медсестра, - что большую часть времени он был не в состоянии реагировать на происходящее, даже хуже, чем Гарри. Не то чтобы Гарри винил его. То, что случилось с Гарри, было плохо, но то, что случилось с Сасукэ, было еще хуже, ведь он видел мертвыми своих родителей, а убил их его брат... брат, которого Сасукэ так обожал и хотел превзойти.

Гарри на мгновение уставился на кузена, а затем стукнул кулаком по голове мальчика. "Ну все, хватит! Мне надоело, что ты ведешь себя как полный идиот. Если ты в ближайшее время не возьмешь себя в руки, я тебя Гокакью но Дзютсу отшвырну!"

"Уходи".

Ну, по крайней мере, это был ответ. Во всяком случае, больше, чем все, что Гарри получил от него после резни. "Нет, пока ты не поговоришь со мной".

"Ну вот, договорились. Уходи".

Гарри покачал головой и сел на кровать рядом с Сасукэ. "Ты знаешь, Хокаге разговаривал со

мной", - сказал Гарри. "В итоге он дал мне пощечину. Должно быть, он вел себя как придурок, раз так поступил". Гарри взглянул на Саске, заметив, что тот не смотрит на него. Вздыхнув, он сделал то, чего никогда не делал ни с кем из своей семьи с самого раннего детства. Он обнял Сасукэ, чувствуя, как тот напрягся в его объятиях. "Я рад, что ты жив". пробормотал Гарри. "Я так рад".

"...Я должен быть мертв".

"Может, и мне следовало бы. Но мы живы".

Сасукэ по-прежнему сидел неподвижно. Однако теперь он слегка дрожал, словно пытается остановить слезы. "...Это больно".

Гарри прижал его к себе, не желая отпускать. "Я знаю, Сасукэ... я знаю".

"Нет, не знаешь".

Гарри почувствовал, как в нем вспыхнул гнев, но сдержал его, ударив по голове. "Нет, знаю. Он был твоим братом... тем, на кого ты равнялся, на кого хотел быть похожим... превзойти. Но он убил всех, кого ты любил, и это причиняет боль внутри".

"Гарри..."

"У меня никогда не было родителей", - продолжил Гарри. "Фугаку-одзисама и Микото-обасама были единственными людьми, близкими родителями, которых я когда-либо знал, поэтому я чувствую, что снова потерял их. Я не позволю тебе так просто сдаться, Сасукэ! Ты всегда был мне как младший брат, и я не позволю тебе покончить с собой из-за того, что ты ведешь себя еще более глупо, чем я. Теперь у нас осталось только одно".

"Гарри... ты назвал меня младшим братом..." пробормотал Сасукэ, все еще прижимаясь к нему.

"Я имел в виду то, что сказал, Сасукэ", - ответил ему Гарри. "Ты всегда был мне как младший брат... и теперь мы все, что осталось... Я ведь уже говорил тебе, не так ли? Учихи держатся вместе... несмотря ни на что. Так что теперь я буду заботиться о тебе. Честно. Без шуток. В ближайшее время ты от меня не избавишься!"